

АЛЕКСАНДР СМУЛЯНСКИЙ О СОВРЕМЕННОСТИ, ЧТЕНИИ ЛАКАНА И ФИГУРЕ ОТЦА

VISUM: Пользуясь случаем, сперва, хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали и продолжаете делать для развития и популяризации (в хорошем смысле слова) психоанализа на территории СНГ. Я думаю, что не солгу, если скажу, что подавляющее

большинство, если не все, интересующиеся Лаканом и Фрейдом посетили (он- или офлайн) ваши семинары. К тому же, вы автор нескольких замечательных книг². Но сейчас хотелось бы начать вот с чего. Многие аналитики и философы говорят, например, что современность – это шизофреническая эпоха, что сегодняшний день – это день нарциссического общества и тому подобное. Это популярный взгляд, но согласны ли вы с ним? Или, на ваш взгляд, в качестве «фундаментальной» проблемы мы сегодня имеем нечто другое?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Как ни странно, это один из вопросов, задаваемых наиболее часто, как если бы в утвердительном ответе на него содержалось что-то обнадеживающее. На самом деле, как я несколько раз сообщал в лекциях, был пропущен момент, когда из режима, позволяющего субъекту претендовать на собственную незаменимость – на самом деле, буквально называть это «нарциссической установкой» вовсе необязательно – современность перешла в режим, который можно было бы обозначить как панический.

Паническое состояние вовсе не означает, что общество находится в состоянии непрерывного страха. Например, характерные для общества конца прошлого века массовые фобии внезапной массовой эвакуации в связи с началом непредвиденных военных столкновений исторически возникли гораздо раньше, нежели этот панический субъект появился, и не имеют к его формированию прямого отношения. Дело в том, что паника – это вообще не страх и даже не ужас. Невзирая на ложную синонимичность этих понятий, они существенно разнятся на этическом уровне, поскольку ужас прежде всего предполагает замирание перед возвышенным, которое в то же время внезапно оказывается лишено своей сублимационной основы. Напротив, паника не провоцирует никакой соответствующей возвышенному позы и вообще не предъявляет к субъекту никаких требований до тех пор, пока он не лишается или не оказывается под угрозой лишения того, что рассматривается им в качестве данности, на которую он рассчитывает гарантированно опираться.

² Александр Смелянский является автором множества статей, приводить перечень которых для пользователей интернета нет смысла, однако укажем на монографии Александра: «К понятию акта высказывания. Три лекции семинара "Лакан-ликбез"» (2014) «Желание одержимого: невроз навязчивости в лакановской теории» (2016) «Метафора Отца и желание аналитика: сексуация и ее преобразование в анализе» (2019)

Именно с приоритетом паники связано одно из важнейших, но в то же время прошедших практически незамеченными философских событий – исчерпание развиваемого экзистенциалистами учения о решающей роли трансгрессии в преобразовании субъекта. Принято считать, что за трансгрессией следует перерождение, метанойя, какой-то существенный прогресс субъективности. На деле для субъекта нынешнего любая трансгрессия оборачивается паникой в чистом виде, и экзистенциалистский аргумент, апеллирующий к неизбежному, но

Принято считать, что за трансгрессией следует перерождение, метанойя, какой-то существенный прогресс субъективности. На деле для субъекта нынешнего любая трансгрессия оборачивается паникой в чистом виде, и экзистенциалистский аргумент, апеллирующий к неизбежному, но требующим преодоления трудностям, здесь не срабатывает – субъект не собирается ничего терпеть, он требует немедленного возвращения к статусу-кво.

требующим преодоления трудностям, здесь не срабатывает – субъект не собирается ничего терпеть, он требует немедленного возвращения к статусу-кво. В то же время не стоит считать, что это показывает какую-либо регрессию, уплощение характеристик существования этой субъектности или же отсутствие в ней ресурсов того самого «онтологического мужества», на необходимости которого так настаивали религиозные экзистенциалисты,

чье учение запудрило интеллектуалам мозги настолько, что даже учение Лакана нередко читается через аналогичную призму. Субъект, о котором идет речь, очень быстро продвигается в ином, совершенно недоступном еще недавней философии направлении: теперь он является субъектом, направляемым не столько радикальным следованием за своим условным желанием, сколько постоянным исследованием границ непостижимости желания Другого. В этом смысле насаждаемая поздним модерном культура своеобразной заботы о своем желании во многом утратила актуальность – даже предприятие психоанализа, чрезвычайно удачно долгое время в нее укладывающееся, не может строиться полностью.

Эта смена приоритетности в субъектном построении еще не окончательно воспринята гуманитарной средой. Более того, есть основания утверждать, что та же философия – особенно некоторые из наиболее непримиримых ее политических направлений, например, марксистского или анархистского образца – не успели этот поворот осознать. По этой причине они все еще ждут от субъекта проявлений героизма, подвига – например, против угнетения или во имя свобод – в качестве высшей точки, наиболее яркой кульминации, оправдывающих все то, что протестная повестка прочитывает как досадное бездействие этого субъекта в остальное время.

Нельзя сказать, что на героизм современный субъект совершенно не способен, но проявления последнего больше не являются чем-то таким, что на вектор актуального для него желания непосредственно бы указывало. Речь, скорее, о действиях, спровоцированных нуждой, буквальной зажатостью в угол, и на это ясно указывает нынешняя градация условностей, с

которыми субъект сообразуется, когда строит гипотезы о своем возможном участии, например, в митингах или уличном протесте: для него имеют значение не столько стратегические дальние перспективы, как бы ни силсилась протестная повестка на них указать, сколько возможность увериться в том, что действия власти в значительной степени посягают на что-то такое, лишение чего субъект полагает в высшей степени недопустимым. Никакой другой революционной мотивации сегодня, похоже, не существует в принципе. Можно быть этим фактом разочарованным – и нынешние милитанты, несомненно, испытывают по этому поводу глубочайшую скорбь. Но у субъекта сегодня есть более важная точка приложения, которая в пределе выступает не столько в виде каких-то выдающихся, экстремальных действий, направленных против Другого, сколько в прощупывании вопроса о том, кем этот Другой является и как он обращается со своим желанием – в особенности если его действия обладают символической влиятельностью или отмечены каким-то выдающимися достижениями, показывающими, что он не чета прочим. Если ранее речь шла о том, чтобы этого Другого – кем бы они ни был – каким-то образом склонить к переменам, заставить поступиться частью власти или прибыли (для чего и возникала нужда в героическом и рискованном жесте со стороны субъекта, восстающего против предположительно учиненной этим Другим несправедливости) то теперь субъект более непосредственно желает знать, как желание Другого устроено и что обеспечивает ему ту отделенность, сепарированность от известных субъекту по опыту обстоятельств, в среде которых он сам кое-как пытается действовать.

Это, без сомнения, скажется на перспективе, которая все еще остается для некоторой части общества желанной – перспективе революции, для которой теперь придется искать совершенно иные основания. Сегодня исходящее от Другого воздействие, его влиятельность перестают выступать в качестве анонимного препятствия, которое следовало бы устранить – вместо этого субъект находится в состоянии смущения. Именно это смущение и обуславливает ту прокрастинацию, к которой нынешний невротик чрезвычайно склонен независимо от того, является ли он невротиком навязчивости или же страдает истерией.

VISUM: Если говорить про современное состояние дел в психоанализе, то имеет место, на мой взгляд, проблема, связанная с тем, что как после смерти

Фрейда «Фрейда» отказались понимать, так и после смерти Лакана «Лакана» тоже успешно начинают забывать, а уроки «лаканизма», пусть и сохраняющие известную соблазнительность (в первую очередь для интеллектуалов, а не самих аналитиков) успешно забываются. Если это действительно так, то почему это неизбежно происходит? И, отсюда же вопрос: можно ли говорить о том, что история психоанализа – это история «авторитетов» - Фрейд, Кляйн, Лакан, Бион?..

А.СМУЛЯНСКИЙ: Следовало бы начинать с того, что у психоанализа нет никакой истории – ни в смысле какой бы то ни было эволюции, потому что никому еще не приходило в голову запросить сравнение фрейдовской и, например, кляйнианской практики на предмет прогресса в понимании психики; ни в смысле наличия осевого пункта, проекционно пересекающего все существующие клинические плоскости, которые, даже отступая в стороны, продолжали бы на него нанизываться. Невзирая на усматриваемую извне в существовании анализа диахронию – временную протяженность его существования – он остается наиболее масштабным синхроническим предприятием современности. На это указывает, в частности, отсутствие для аналитиков соотношения устаревшего и нового, проблематичного для всех прочих сфер – так, в среде психологов, слабо связанных с психоаналитической клиникой, можно услышать рассуждения об «устаревании Фрейда», но для аналитика вопрос таким образом даже не стоит, и это связано прежде всего не с масштабностью фрейдовского вклада, из которого всегда можно извлечь что-то еще, а с господством синхронического измерения, в котором Фрейд не сводится к прошлому по причине отсутствия в аналитическом предприятии концепта «прошлого» как такового.

Это отсутствие диахронии связано ни с чем иным как с господством на территории анализа особой тревоги, которая сама по себе является неустаревающей и тем самым лишает психоанализ и тех, кто в него вовлечен, чувства времени. Именно тревога оттолкнула от Фрейда всех, кто начал массово практиковать психоанализ после его смерти, и та же самая тревога с новой силой вспыхнула в сообществе тогда, когда выяснилось, что Лакан не оставил сообществу ничего, кроме требующих многолетнего изучения текстов. Не отказываясь от этого изучения, аналитики, тем не менее, желают более непосредственной и быстрой компенсации своих усилий – именно так возникают сообщества, которые требуют признания их прав на наследование, притом что наследуют они исключительно область легализации своей практики. Легализация эта позволяет для каждого отдельного аналитика справиться с тревогой, но не устраняет ее в самом сообществе. Более того, по мере роста консолидации сообществ на базе формальной унаследованности тревога усиливается. Можно сказать, что иметь мэтра, следовать за мэтром формально – означает бороться с тревогой на уровне собственной практики и одновременно поддаваться ей на уровне сообщества, притом что в таком образом созданной профессиональной среде принято фатально недооценивать влияние этой разлитой, обобщенной тревоги на анализантов, как если бы у последних не было никакого доступа к знанию о том, что с аналитическим сообществом происходит. Лакан максимально близко подошел к мысли, что это не так, и именно это побудило его в конце откреститься от сообщества как такового, но это не возымело никакого действия, потому что единственным способом переориентировать внутрианалитическую тревогу остается

ее допуск в поле действия – например, посредством продолжения лакановской мысли из другого места.

VISUM: Ваши лекции и тексты посвящены психоанализу, но в них есть место и для философии – от Кьеркегора и Хайдеггера до Бадью и Бодрийяра. Вы сам закончили философский факультет СПбГУ. По-вашему, должен ли сегодня аналитик ориентироваться в философском пространстве? Должен ли стоять томик Платона рядом с сочинениями Фрейда у него на полке?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Дело в том, что оптика, которая предлагала бы эти две дисциплины в качестве пары или альтернативы – пусть даже взаимодополняющей – в корне неверна, если речь идет о направлении, с которым имя Лакана ассоциируется. Я говорю о структурализме, которому (включая его отдаленных предшественников, иногда не распознаваемых в качестве таковых) я преимущественно в своих лекциях уделяю время. Определяя структурализм, прежде всего необходимо говорить не о «философии», поскольку структуралистская мысль, включая ее наследие вплоть до Алена Бадью, не является сугубо философским течением. Напротив, речь идет целой системе того, что Альтюссер называл «теоретическими практиками», включающими в себя социально-критическую мысль, филологию, лингвистику, этнографию, математику, политическую деконструкцию, критику культурализма и т.п. Проблема современных психоаналитиков, наследующих учению Лакана, в том, что они соприкасаются с этой, на самом деле гигантской системой лишь краем, в процессе изучения собственно лакановских текстов, из-за чего они зачастую оказываются не на уровне более широкой проблематики структурного психоанализа и, соответственно, не чувствуют в себе сил сделать дальнейшие в ней шаги.

Казалось бы, этого достаточно, чтобы приветствовать появление в области психоанализа специалистов, для которых практика не является единственным средством вхождения. Но дело в том, что у их интереса есть дополнительные следствия, связанные с тем, что наследуется ими по той основной философской линии, из которой это вхождение они совершают.

У ПСИХОАНАЛИЗА НЕТ НИКАКОЙ ИСТОРИИ – НИ В СМЫСЛЕ КАКОЙ БЫ ТО НИ БЫЛО ЭВОЛЮЦИИ, ПОТОМУ ЧТО НИКОМУ ЕЩЕ НЕ ПРИХОДИЛО В ГОЛОВУ ЗАПРОСИТЬ СРАВНЕНИЕ ФРЕЙДОВСКОЙ И, НАПРИМЕР, КЛЯЙНИАНСКОЙ ПРАКТИКИ НА ПРЕДМЕТ ПРОГРЕССА В ПОНИМАНИИ ПСИХИКИ; НИ В СМЫСЛЕ НАЛИЧИЯ ОСЕВОГО ПУНКТА, ПРОЕКЦИОННО ПЕРЕСЕКАЮЩЕГО ВСЕ СУЩЕСТВУЮЩИЕ КЛИНИЧЕСКИЕ ПЛОСКОСТИ, КОТОРЫЕ, ДАЖЕ ОТСТУПАЯ В СТОРОНЫ, ПРОДОЛЖАЛИ БЫ НА НЕГО НАНИЗЫВАТЬСЯ.

На присутствие этой линии указывает наличествующее здесь сильнейшее искушение сопрячь психоанализ с достижениями социально-критической мысли. Это ведет к тому, что довольно много философов делают из лакановского учения специфические выводы, по большей части этические, сложившиеся в отдельную субкультуру прочтения лакановских текстов.

Как правило, эти выводы содержат следующие составляющие: интенсивная критика прогрессизма и науки (причем посредством настойчивого указания на уникальность психоаналитической мысли здесь обычно отстаивают мысль просто-напросто гуманитарную); предупреждение против растущего сопряжения власти и знания (здесь обычно говорят об опасностях цифровизации, об узаконивании принципа удовольствия посредством гаджетов и т.п.). Вся эта проблематика навязчиво-нравоучительна, быстро устаревает и теоретически и интеллектуально, а ее воспроизводство само по себе указывает на наслаждение повторением. Занимая эфир, она не позволяет вернуться к более оригинальной фрейдовской линии, всегда предупреждавшей о том, что любой общественный или технический прогресс лишь усиливает психическое неудобство, а не смягчает его, пусть даже воображаемым, временным образом – другими словами, каждое новое внедрение лишь высвечивает уже имеющееся Unbehagen, изначальное психическое недомогание субъекта в культуре, а не отвлекает субъекта от «подлинности желаний», на чем обычно настаивают.

При этом само понятие желание также вызывает в философской среде особое оживление, несопоставимое с той осторожностью, с которой этот термин Лакан всегда использовал. О желании высказываются так, как если бы речь шла о благородной породе, которую следует лелеять и поддерживать, восхищаясь ее выдающимися образцами.

Повторяя вслед за Лаканом, что желание никаким благом не ориентировано, тем не менее, как бы в знак компенсации, здесь начинают выдавать само желание за благо особого рода. Такое использование выдает именно философа; напротив, психоаналитик не станет обращаться с концептом желания подобным образом – прежде всего, потому он что кое-что знает о редкости, даже случайности явления желания в принципе и, что еще важнее, о его несовпадении с тем, что психология вкупе с литературоведением называют «характером». По этой причине недостаточно указать на какого-либо яркого в своих начинаниях или выделяющегося особо трагичной судьбой субъекта или персонажа, чтобы утверждать, что его желание носит такой же инициативный и отчетливо проявленный облик – это не одно и то же, но, тем не менее, именно в философских рецепциях одно часто подменяется другим. Это грозит в первую очередь тем, что в ходе использования такого рода психоанализ, действительно насыщаясь привлекательной для многих актуальностью, в то же время низводится до жанра т.н. «портрета современности» – жанра, литературно-модернистская устарелость которого бесспорна и которая сама по себе сжимает тиски вокруг сколь угодно нового аналитического исследования. По этой причине я полагаю, что та ситуация, на которую Лакан однажды указал, комментируя содействие психоанализу со стороны философской герменевтики – в тот момент ведущей области философского знания как такового – указал, призвав

Казалось бы, этого достаточно, чтобы приветствовать появление в области психоанализа специалистов, для которых практика не является единственным средством вхождения. Но дело в том, что у их интереса есть дополнительные следствия, связанные с тем, что наследуется ими по той основной философской линии, из которой это вхождение они совершают.

не поддаваться ее чарам и не принимать это содействие за чистую монету – сохраняется и сегодня. Психоанализу следует быть осторожным с философией – это союзница неверная и заинтересованная в следствиях, которые в конечном счете идут на пользу только ей самой.

VISUM: В прошлом году вышла ваша книга «Метафора Отца и желание аналитика». Насколько я могу судить, она должна продолжить работу Лакана, начатую им в 1960-х годах на семинаре «Имена-Отца». Можете рассказать немного более подробно о своем новом труде?

И еще один вопрос: когда мы говорим о «желании аналитика», мне вспоминается фрагмент из интервью Андре Грина: «...Лакан в своем семинаре по этике, определил, что аналитик — это тот, кто не предаёт своего желания. Это то, как он сам описывает Лакана-аналитика: «Меня не волнует законодательство, говорящее аналитику вести себя таким или иным способом. Я собираюсь делать только то, что мне нравится, если только этому не препятствует уголовное право». Так что он пользовался преимуществами неопределенности национального законодательства по психотерапии, чтобы делать именно то, что ему нравилось. Национальное законодательство не имеет дела с психоанализом, так как это бы подразумевало его признание, в том числе как терапии, и необходимость возмещения аналитических затрат. Этическая позиция, которая утверждает: «Я не отрекись от своего желания» является аналогом этики террористов, которые говорят перед трибуналом «однажды мы избавимся от судей, которые сейчас судят меня. Эта этика гласит: «Мое желание является единственным законом» .

Можете его прокомментировать? Что вообще вы думаете о практике Лакана?

А.СМУЛЯНСКИЙ: У лакановского заявления немало смысловых подкладок, из которых мы обычно прочитываем не больше одной-двух, и этого оказывается недостаточно. Так, прежде всего обычно торопятся предупредить, что Лакан конечно же не мог иметь в виду пустое самоволие специалиста в вопросах права анализировать, взятие на себе полномочий на равном месте. Обычно этим заверением и ограничиваются, допуская, что аналитика должен вести некий ориентир другого, более неочевидного порядка, в определении которого обычно запутываются настолько, что использование ссылки на «этику» – у Лакана действительно легко можно найти этот термин – кажется многим удачным выходом, настоящим спасением положения.

На деле в этом заявлении Лакан, как и во многих прочих, также прочитываемых обманчиво, не стремится дать подобие руководства, а предлагает суждение о том, чем именно анализ уже является – как в тех случаях когда за спиной у специалиста находится мощное сообщество, служащее его действиям алиби, так и в случаях, когда ему волей-неволей приходится идти поперек течения. Это означает, что Лакан вовсе не пытается выделить некий подобающий способ быть аналитиком – например, как в его случае, будучи бунтарем – по отношению к которому все прочие способы являются компромиссными и неподлинными. Речь идет о вещах, из которых я бы выделил по меньшей мере две: обреченность аналитика на желание, толкнувшее его анализировать, и, одновременно – притом, что в этом можно увидеть противоречие – на желание аналитика как образование, представляющее собой вычет из желания Фрейда.

Я не буду специально расшифровывать, в каких отношениях находятся желание аналитика и желание Фрейда – подробности на этот счет можно найти в книге. Скажу лишь, что все, написанное сегодня на тему этих отношений, притом что оно и без того крайне немногочисленно, является не вполне удовлетворительным. Самое удивительное при этом то, что, оно, похоже, тем не менее, всех удовлетворяет – удовлетворяет, невзирая на то, что сам Лакан, по всей видимости, был бы крайне фраппирован способом, которым с понятиями, в которые, как он сам полагал, заложено не меньше чем взрывное устройство, обращаются в наследующих ему сообществах.

Тем не менее, чтобы не уходить в сторону, я снова обозначу точку, в которой аналитик – даже самый с лакановской точки зрения ретроградный и закостенелый – пребывает и которая представляет собой объявление себя в качестве аналитика в качестве результата скрытого напряжения между тем, что представляет с одной стороны отброс собственного желания будущего специалиста, которое он тщится в дидактическом анализе обнулить, и выкидышем желания аналитика, общезначимое единство которого поддерживается лишь тем, что образуется оно в результате и, в то же время, вопреки одному из значимых эпизодов фрейдовского желания. «Законом» в терминах самого Лакана является результат этого соотношения, всегда непредсказуемый. Именно ему анализирующий субъект не может противостоять, так что любое обнародование факта ведущейся им практики всегда является заявлением о том, что этому закону он волей-неволей следует.

Именно по этой причине рушится тщательно создаваемая Фрейдом на всем протяжении его исследования утопия «анализа как такового», за которой стоит предположение, что, независимо от специалиста ведущего анализ, анализант всегда получит приблизительно то же самое, что и при обращении к любому другому, рандомно выбранному специалисту. Утопия эта, несомненно, была

почерпнута Фрейдом из врачебной практики, в которой эта закономерность выполняется при условии, что врачи определенной выборки имеют соответствующую квалификацию и должным образом ей пользуются. В анализе даже при соблюдении этого условия анализант обречен столкнуться не с анализом как он есть, а с желанием аналитика в качестве неравновесного, расщепленного образования. Это до определенной степени пугающий момент, но никакой альтернативы здесь нет – этим анализ и отличается от прочих психотерапевтических направлений, также вышедших из Фрейда, но не зашедших настолько далеко, чтобы данное расщепление оказалось принципиальнее вопроса об аналитической технике.

Данная ситуация оказалась воплощена в собственной практике Лакана, вызывающая и экстравагантная стилистика которой представляла собой демонстрацию и одновременно задействие этого расщепления. Многие по этой причине находили и до сих пор находят манеру лакановского анализа вызывающей и несносной, но невыносима она именно по причине буквального, радикального подчинения закону желания, согласно которому любой, пожелавший анализировать само желание, должен уплатить мзду, понести утрату в самой структуре желания собственного. Именно это аналитика и отличает, о чем его анализанты на определенном уровне прекрасно осведомлены.

Что касается книги: Фрейд не был, как известно, особенно свободолюбив том, что касалось буквы психоаналитического учения – любые предпринятые его последователями отклонения сильно его раздражали: он сам неоднократно указывал, что предпочел бы, если бы мог, контролировать то, что появлялось из-под их пера. На этот факт любят указывать, намекая тем самым на авторитарность психоаналитического учения, не замечая, что именно эта фрейдовская строгость привела к появлению уже после его смерти к масштабному высвобождению творческих усилий, включая саму возможность появления Лакана, позволившего себе любые перетолкования фрейдовского текста при условии, что они релевантны клиническому опыту и, шире, самим фактам наблюдаемой реализации современной субъектности в принципе.

Напротив, лакановское свободолюбие и подчеркнутое отсутствие с его стороны какой-либо ревливости и вообще внимания по отношению к продукции ближайших последователей немедленно, буквально в пределах двух десятилетий привели к масштабному заострению лакановского учения, последствия которого мы наблюдаем сейчас в полной мере. Существуют школы, обучающие своих приближенных почти что автоматическому пониманию лакановских концептов, как если бы те не подразумевали никакого продолжения, как если бы крамольной была бы сама мысль о том, что с Лаканом можно и даже видимо должно поступить так, как он сам поступил с Фрейдом: то есть, исходя из любви к совершенному им прорыву и подразумеваемой за этим прорывом нехватке, дать его речи продолжающее толкование из другого места.

Это парадоксальное переверачивание ситуации вызвано тем, что можно было бы назвать неизбежным в каждом случае переделом тревоги, точкой изменения ее приложения. Совершенно очевидно, что Лакан смог совершить такое впечатляющее продвижение, поскольку никакой тревоги он не испытывал – я не говорю, что он, как аналитик, не знал тревоги вообще, а лишь то, что в его случае со стороны тревоги не существовало ограничения, налагаемого на его речь.

Напротив, нынешние его ортодоксальные последователи буквально одержимы тревогой, не позволяющей им сделать новые и в достаточной степени далеко идущие выводы из того, совершенно неразработанного до сих пор материала, который лакановское учение предлагает. Произошло это в силу непреложного закона, заставляющего последователей пытаться взять на себя роль тех, кто в конечном счете расплачивается за свободомыслие мэтра и вытекающее из него – по крайней мере это так прочитывается – легкомыслие. Здесь возникает отвечающее этому легкомыслию обратное «желание сберечь» – желание крайне ретроградное и в конечном счете, как это ни странно, скрыто агрессивное в своей основе.

В принципе, ничто не заставляет ту или иную отдельную школу с этой ролью идентифицироваться – более того, ее можно отследить: она, как мы говорим в области практики, анализируема. Тем не менее, поскольку еще никто и никогда не анализировал школу – хотя никаких особых препятствий к этому нет, поскольку определенным желанием она всегда снабжена в полной мере – никакого продвижения в этом вопросе не наблюдается.

VISUM: Лакан говорил, о том, что непринятие, отбрасывание Имени-Отца приводит к психозу. Отцовская функция позволяет субъекту занять вообще некое место в Символическом. Справедливо ли говорить, что с учетом «обесценивания» («унижения», «изменения») роли отца в современной семье, у нас появляется все больше «психотиков»? (Если мне не изменяет память, эту мысль Лакан высказывал в одном из ранних своих текстов, для французской энциклопедии. Текст «Семья», 1932 года). Выходит – потенциальное сумасшествие, убийство Отца – это плата за прогресс?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Я бы сказал, что с определенного периода у наследующих Лакану специалистов появляется определенное желание (это именно «желание» в полномерном аналитическом смысле) диагностировать психоз и делать это чаще, чем обычно. Несомненно, с вполне реальным нынешним преобразованием места отцовского репрезентанта это также связано, но связь эта производит куда большее впечатление на самих аналитиков, нежели ведет к заметному росту реальных психотических случаев среди пациентов.

Что на самом деле происходит вместе с нивелированием отцовского присутствия – притом что мы знаем, что отец не присутствует в семье всецело: речь всего лишь о «реальном отце», и это определение не столько придает ему некоей полнокровной реальности в обычном смысле, сколько описывает довольно узкий круг совершаемых им в отношении желания матери и ребенка операций. Одновременно вместе с нивелированием этого присутствия, включая также статистику роста семей с ребенком и одной только матерью (и, в ряде случаев, с семьей с ее стороны) происходит рост числа не столько психозов, сколько тех типов невротических расстройств, которые Фрейд, не найдя для них отчетливой рамки, записал в «неврозы тревоги». Сегодня, особенно с лакановской возвышенности, это определение звучит анахронично – нозология Лакана требует, чтобы в каждом аналитическом случае специалисты все же определялись, идет ли речь о неврозе навязчивости или же истерическом образовании. Тем не менее невозможно пропустить экспоненциальный взлет в современности количества невротизаций, связанных с буквально представленным паническим компонентом – будет ли это

агорафобия, клаустрофобия или же, например, неврозы дисморфофобического образца, включая пищевые и гендерные расстройства.

Можно сказать, что это единственное на сегодняшний день видимое следствие аннулирования обязательности отцовства, происходящее вовсе не из того, что, как могли бы поспешно заключить педагоги, присутствующий отец предоставляет ребенку опору, готовя его к более выдержанной реакции на внешние испытания и неудобства. Напротив, функция отца заключается в непрестанном внесении поводом для смущения, запинки – так, например, то, что ребенок воспринимает с восторгом, не встречает у отца никакого энтузиазма, и он это ребенку так или иначе сообщает. При этом в эпоху Фрейда имело место особое соотношение обстоятельств, в которых, по крайней мере, некоторой части невротиков удавалось совершить отвержение отцовской назойливости, поставив механическую преграду крайней заинтересованности отца в происходящем с ребенком после достижения им фаллической стадии. Сегодня этот выход, похоже, утрачен; и нынешнее более интенсивное устранение отца через возросшее число тандемных (мать и ребенок) семей несомненно имеет причиной возросшую чувствительность к исходящему от реального отца комментарием и его невыносимому смыслу, против которого у ребенка больше нет никакого средства защиты. Отсюда и возникает то, что сегодня называют «новой оскорбленностью», «культурой обиды», усваивая которую субъект делается крайне чувствительным к любому, даже самому легкому и чисто профилактическому обесцениванию собственной повестки и связанной с ней чувствительности – ростки этой культуры заметны сегодня повсюду и по большей части касаются употребляемых означающих, то есть самих по себе средств выражения. Последнее неудивительно, учитывая, что реальный отец как раз в выражениях не стесняется.

VISUM: И еще об Отце: в тексте «Метафоры Отца» вы упоминаете о поразительном, если не сказать, парадоксальном отличии отца Реального от отца Символического. Могли бы вы пояснить, разницу между этими тремя... и, собственно – каков он, настоящий, реальный отец? Существует ли он вообще?

А.СМУЛЯНСКИЙ: В реальном отце с точки зрения его существования Лакан не видит ни малейшей проблемы: речь идет не о некоей заповедной инстанции, на что как будто должен указывать скрыто задействованный здесь термин «Реальное», а всего лишь о мужчине, с которым женщина встречается на момент воспитания ребенка независимо от того, связан ли он с последним генетическим родством. Педагогика, как правило, идеализирует функциональность этого отца, призывая считать ее неисчерпаемым источником влияния на ребенка, но в психоанализе, как уже было сказано, мы сталкиваемся буквально с двумя-тремя операциями, которые этот отец совершает и которые действительно способны оказать на субъекта воздействие. Одной из этих операций является глубоко потрясающее субъекта назойливый комментарий реального отца в отношении действий сына, вызывающее у последнего вопрос,

...Возникает то, что сегодня называют «новой оскорбленностью», «культурой обиды», усваивая которую субъект делается крайне чувствительным к любому, даже самому легкому и чисто профилактическому обесцениванию собственной повестки и связанной с ней чувствительности – ростки этой культуры заметны сегодня повсюду и по большей части касаются употребляемых означающих, то есть самих по себе средств выражения...

действительно ли отец хоть что-то понимает в происходящем и действительно способен распознать хотя бы часть той драматургии, сеть которой субъект непрестанно плетет. С позиции этого субъекта совершенно очевидно, что реальный отец не ориентируется в действительно желанных для него объектах: именно это позволяет сыну бесконечно наслаждаться собственным проектом – будет ли он сводиться к коллекционированию аниме, хакерству, сочинительству или соблазнению девушек. Сам факт того, что реальный отец ничего в этом не смыслит и в итоге должен быть унесен течением истории, оказывает на субъекта чрезвычайно воодушевляющее воздействие, с которым мы непременно сталкиваемся в анализе.

У воображаемого отца в этом смысле перед реальным есть преимущество – субъект всерьез опасается того, что от него может исходить: например, его способности в наказание или в отместку лишить субъекта существенной части его достоинства, включая то, что под «достоинством» понимают в скабрёзных шутках. Страхась отцовского недовольства, в том числе отца уже одряхлевшего и явно утратившего бывшее у него ранее подобие власти, всегда опасаются именно отца воображаемого.

VISUM: Лакан говорил, что «образование аналитика – это образование бессознательного». Говорит ли это о том, что «университет» не может готовить психоаналитиков? Каким образом, по-вашему, должно быть устроено «идеальное» образование аналитиков?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Полагаю, что не стоит недооценивать значение того факта, что всякий раз, когда мы говорим о каком-либо известном аналитике, мы лишь с большим трудом припоминаем (если вообще знаем) имя, которое стояло у истоков его дидактического анализа. Это не означает, что носитель этого имени не оказал должного влияния – речь лишь о том, что мы не можем это влияние оценить.

В то же время, говоря о лакановском афоризме, следует в его толковании опять-таки тщательно избегать слабодушного умиления – речь идет не о каком-либо потрясающем в своей масштабности онтологическом и одновременно абстрактном факте, а о том, что, производя аналитиков, вы буквально воспроизводите бессознательное в новом, недоступном для него ранее месте. Другими словами, появление очередного аналитика сопряжено с новой работой вытеснения на совершенно ином уровне – а именно там, где никакого бессознательного ранее не было и в помине, поскольку, как мы знаем, аналитическая деятельность из доступной желанию субъекта сферы вовсе не вытекает. Возникает искушение сказать, что, производя аналитиков, воссоздают новую локацию бессознательного искусственным образом, если бы не искусственность любой субъектности как таковой, даже самой что ни на есть естественно воспроизводимой.

Действие этого новой локации бессознательного мы видим в самых разнообразных его проявлениях – в упомянутом вами выше двусмысленно отклоняющемся движении, возникающем всякий раз, когда в производстве аналитической теории возникает новая точка пристежки, немедленно собирающая возле себя заинтересованных лиц и в то же время заставляющая их вставать возле нее крепостью, не позволяющей эту новую точку освоить в силу вызываемой ей тревоги; в переделах и конфликтах школ; в страхе утратить анализантов в

современной ситуации, где анализ больше не может так же успешно конкурировать за приверженность субъекта лечению, как еще несколько десятилетий назад. «Бессознательным» Лакан называет все это, очевидно, по той причине, что оно не совпадает с бессознательным отдельно взятого аналитика – другими словами, остается за той самой преградой, которая ранее отмечала бессознательное субъекта до того, как сам анализ возник.

Это несет не совсем обнадеживающие новости, поскольку означает, что нет никакого «достаточно хорошего», подходящего способа образования аналитика. Договариваясь о непреложности правил, посредством которых этот аналитик должен быть создан, с одной стороны действительно устраняют многие риски, но при этом прямым ходом следуют на территорию, где никакая дальнейшая коррекция немислима – аналитик может быть сколь угодно добросовестен относительно этических установлений, но это не оказывает никакого влияния на ту область бессознательного, что оказывается самой институционализацией анализа создана. В то же время демонстративный выход за пределы этой институционализации, который некоторые аналитики совершают, не желая ассоциироваться ни с какой школой, также ни в малой степени от последствий этой новой локации бессознательного их не избавляет. Именно это является причиной постоянно упоминаемой «невозможности» (хотя и бесспорной реальности) психоаналитической профессии, а вовсе не сопряженные с ней частные деликатные тонкости, существование которых как раз легко и охотно допускают.

VISUM: Я не прошу себе этого никогда, если не воспользуюсь возможностью, и не поговорю с вами про «Лакан-ликбез». Расскажите, как появилась идея семинара? Не устали ли вы за столько лет? Как много времени у вас занимает подготовка к лекциям? Бывали ли какие-то курьезные моменты во время лекций, которые вам запомнились?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Семинар появился в тот момент, когда тексты Лакана, многие из которых переводились в тот момент буквально в режиме реального времени, внушали русскоязычным читателям наибольшее почтение и страх. При этом практика показывает, что в подобном отношении к ним нет ни особой добродетели, ни практического резона, поскольку демонстрирующие это почтение специалисты все равно рано или поздно начинают пользоваться лакановским аппаратом, и частые неудачи в этом использовании вызваны не столько реальной неспособностью его освоить, сколько с торможением, связанным с самой фигурой Лакана. По этой причине уже со второго сезона семинар перестал служить чисто техническим подспорьем для читателей, находящихся в изучении лакановского текста на уровнях *beginner* и *intermediate*, и превратился в исследование неосвоенных сторон фрейдовской и лакановской мысли. Это превращение было связано не только с очевидным избытком возможностей для подобного исследования, но и с попыткой возрождения ситуации, которой воспользовался сам Лакан в тот момент, когда предпринял обновление фрейдовской повестки, осознав, что сама она, даже при всем ее богатстве, больше ничего не сможет дать специалистам, если не подключить к ней дополнительный источник, который из нее самой не выводим, но при этом позволяет начать читать на иной основе.

VISUM: Зарекомендовав себя как внимательного читателя Лакана, вы показали удивительную особенность его текстов: их можно читать, понимать, если конечно,

быть достаточно внимательным; и наоборот – несмотря на прозрачность текстов Фрейда, они всегда остаются вещью-в-себе. Я позволю себе предположить, что как таковой практики чтения Фрейда на постсоветском пространстве все еще нет. Или, может быть, я ошибаюсь? Как вообще надо читать Фрейда и Лакана?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Дело в том, что для аудитории Лакан представляет собой раздражитель, уточнение природы которого происходит в последствии, и так, собственно, реализация его учения и была им самим задумана. Для иллюстрации этого я неоднократно приводил в лекциях пример, связанный с перипетиями введенного Лаканом понятия «Большого другого» – когда сам Лакан его вводил, он делал это во многом экспериментальным образом, наощупь, не зная, какого рода последствиями для слушателей оно обернется. Как только публика выказала характерную очарованность этим понятием, опознав его через модные в тот период политические метафоры контролирующего старшинства, Лакан тут же резко сменил вектор трактовки, существенно уменьшив долю его присутствия в своих выступлениях, сочтя, что интеллектуальное сообщество и так неплохо позабавилось и этому стоит положить конец. Это справедливо и для чтения Лакана в целом: в тот момент, когда практики этого чтения формируются, они еще не являются более или же менее релевантными – их способствующая прочтению или же, напротив, реакционная составляющая обнаруживается лишь впоследствии. Так, в русскоязычных рецепциях долгое время сцену чтения занимала манера передачи, демонстрирующая яркую истеризацию по отношению к лакановскому вкладу. Стилистически для нее были характерны многозначительные пересказы отдельных общих мест лакановского изложения, обилие цитат, сугубая назидательность тона в рассуждениях о лакановской этике и одновременно робость в использовании теоретического аппарата, поучительно намекавшая, что речь идет о чем-то, чему в значительной степени суждено оставаться непостижимым. При этом истерический отклик на какое-либо значительное высказывание не подразумевает никакого продвижения или собственного вклада – об этом даже речи быть не может, потому что у истерика не может быть никакой своей речи. Именно так Лакан читался в России долгое время, и нельзя сказать, что у этого способа не было необходимых плодов – для начального знакомства с лакановской мыслью он подходил идеально. Сегодня, когда ознакомительный период явно затянулся и настало время производить на его основе теоретический и клинический продукт, этот способ прочтения стал реакционным, поскольку его усилиями лакановский материал стремительно превращается в достояние прошлого, потребное лишь изначально лояльному к нему поколению специалистов, знавших Лакана лично. Уже для нынешнего поколения аналитиков и интеллектуалов, даже бесспорно убежденных в необходимости изучения лакановского наследия, подчеркнутая сервильная почтительность в его отношении выглядит как минимум странно.

VISUM: Жижек говорил, правда, довольно давно, о том, что психоанализ сегодня крайне актуален; правда, в очередной раз психоанализ сегодня хоронят – на этот раз «нейронауки» и примкнувшие к ним когнитивные направления. Какое, на ваш взгляд, будущее есть у психоанализа? Есть у него это самое будущее?

А.СМУЛЯНСКИЙ: Здесь имеет место характерное недопонимание как целей анализа, так и особенностей его воздействия, которые зачастую не совсем ясно осознаются в том числе самими психоаналитиками. Последние обычно уверяют, что нейрокогнитивные направления не могут заменить анализ, поскольку они якобы не

учитывают субъективное измерение. На самом деле, это не так: с его изучением они могут справиться более чем удовлетворительно при условии, что им не будет поставлена этическая преграда наподобие некоторое время имевшему место запрету в изучении патологоанатомического материала, как это было в XII-XVI веках. Более того, существующая ныне уверенность по поводу предположительной невозможности для нейронаук добиться каких-либо изменений в субъекте – за исключением тех перемен, которые достигаются наиболее грубыми и традиционно пугающими общественность способами – также, по всей видимости, в будущем не будет иметь под собой никаких оснований.

Единственное, что ограничивает вытекающие из нейропсихологии практики – например, связанную с ней когнитивно-поведенческую терапию – это то, что они ни при каких условиях не могут поставить субъекта в ситуацию смятения, в которую ставит его анализ. Более того, чем успешнее и доказательнее будут методы, разработанные на основе научной достоверности в области нейрофизиологии, тем дальше от этого совершенно необходимого смятения в отношениях между аналитиком и анализантом они будут находиться. Именно в воссоздании ситуации смятения и всех вытекающих из него реакций, которые невозможно вызвать иначе, нежели посредством анализа, и заключается его незаменимость в клиническом поле. Никаких аргументов по поводу утраты анализом способности эту ситуацию воссоздать пока представлено не было.

Мы благодарим Александра, за то интервью и за то, что он нашел время для беседы с нами.

Беседовал Дмитрий Лобачев